

ПУТЬ В БЕСКОНЕЧНОСТЬ НАТУРФИЛОСОФСКОГО ГЕРОЯ-СТРАННИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ю. П. КАЗАКОВА

*Работа представлена кафедрой русской литературы XX века
Брянского государственного университета им. академ. И. Г. Петровского.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. В. Шаравин*

Статья посвящена рассмотрению основных черт героя-странника в творческом наследии Ю. П. Казакова. В ней дается краткое описание эволюции образа «движущегося» человека, а также раскрывается природный взгляд писателя на личность, совершающую равный размерам Вселенной путь в бесконечность.

Ключевые слова: странник, натурфилософия, путь, человек-Сфайрос, бесконечность, природа.

E. Bondarenko

WAY TO THE INFINITY OF THE MAIN CHARACTER, A WANDERER, IN YU. P. KAZAKOV'S WORKS

The article is devoted to the basic characteristic features of the main hero, a wanderer by nature, in Yu. P. Kazakov's literary heritage. It contains a short description of the evolution of a "moving" person as well as the writer's view on a personality being on his way to the infinity that is equal to the universe.

Key words: wanderer, Naturphilosophie, way, person-Sphirois, infinity, nature.

Образ homo in via является одним из древнейших в искусстве. Это обстоятельство имеет под собой определенную причину: творчество, зародившееся в первобытные времена, отражало кочевую жизнь человека как способ сохранения биологического вида на Земле. Подобно животным, люди совершали свои *странствия* в поисках пищи, они уходили с неплодородной почвы в надежде обнаружить новый ареал для своего существования. При этом конечная цель их перемещения не была известна заведомо.

В литературе со временем такая функция странствий отпадает, так как изменяется способ выживания человека. Мир Древней Греции видит основной причиной движения человека – жажду познания. Однако данные перемещения воспринимаются как разрушающее привычный порядок явление. Поэтому любое движение в действительности всегда имеет определенную цель-маршрут. Таково путешествие Одиссея. Герой Гомера проходит свой путь-странствие, в конце ко-

торого он должен вернуться к отправной точке. Его жизненный цикл-движение становится воплощением кругооборота бытия. «Странствия и выход в большой мир представляются и Гомеру, и Одиссею как чудесные, интересные, но все же насильственные и не присущие человеку отклонения от нормы жизни; пределом мечтаний и целью Одиссею видится уютный узкий круг жизни на родной Итаке» [2, с. 25].

Следовательно, со временем бытие человека, согласно формообразующему началу сущего – Космосу, приобретает устойчивую закреплённость. Точной идентификации во времени и пространстве от личности требует *логос*.

В литературе появляется традиция изображения homo in via в качестве человека, вырывающегося из привычного круга бытия и рамок социально-исторической действительности. Динамичное поведение героев обосновывается идеей национального самосознания. Так, русского странника «мучает

контрарная проблема: “кто я в своей стране?”» [8, с. 249]. Кроме того, причиной отсутствия статики в жизни человека может видеться трансцендентальная бесприютность, возникшая из-за утраты ценностей личностью и тем обществом, в котором она находилась. Так возникают образы странников-правдоискателей (творчество Н. А. Некрасова), демонических изгнанников (наследие М. Ю. Лермонтова) и дельцов, ищущих наживы (Н. В. Гоголь). Однако определяющей ценностью в литературе становится поиск Бога, которому вручает себя человек. Библейский странник обретает успокоение лишь в непрерывном движении, которое готовит его к вечной жизни. Следовательно, любой человек на Земле всегда находится на пути в бесконечность, как это обозначено в «Псалтири» (38:13): «Услышь, Господи, молитву мою и внемли воплю моему; не будь безмолвен к слезам моим, ибо странник я у Тебя и пришелец, как и все отцы мои» [1, с. 539]. Таким образом, в литературе *homo in via* начинает восприниматься прежде всего как некий паломник или отвергнутая Зиждиделем, но пытающаяся заново обрести его личность (например, образ Агасфера в творчестве И. В. Гете, В. А. Жуковского и Э. Сю). Доминантным в странничестве становится богоискательство.

Натурфилософская проза второй половины XX в. живо откликается на существующие традиции изображения *homo viator*. Однако в творчестве авторов данного направления движущийся человек приобретает свои индивидуальные черты. Здесь странник становится фигурой довольно противоречивой. С одной стороны, согласно учению о логосе, человек-Сфайрос не может существовать вне пространственной закреплённости. С другой стороны, его путь – космическая реальность: дорога, расширяющаяся до размеров Вселенной и ведущая в бесконечность, где уже невозможно найти конечную цель перемещения. Существовать же в такой системе координат может только многомерная личность.

Разрешение этого противоречия кроется в биологизированном характере странствий гомеометрического человека. Натурфилософ-

ская личность не может находиться в статике, так как повсюду она ищет природной разумности. В социуме ее обнаружить невозможно, ибо общество враждебно *physis*. Человек-Сфайрос же живет с «языческим преклонением природе» [8, с. 245]. Поэтому ощутить близость к бытию всего существующего становится возможным лишь покинув мир исторической действительности. Кроме того, странник в натурфилософской прозе «не ведает конечной цели в социофизическом пространстве» [8, с. 238] еще и потому, что само движение выступает доминантой в его жизни. В нем человек-Сфайрос обретает результат своих устремлений – единение с природой: богоискательство нового рода (в натурфилософии *physis* и Бог тождественны). Иными словами, личность в странствии достигает полного слияния с миром органики, частью которого является. Человек, вспомнив о своем первобытном зове выживания, идет по направлению «к своей причине», отличающейся «неизмеримо большею энергиею...» [6, с. 237]. Так, он становится природным наравне с животным миром. Цель галки в самом движении – «в том, чтобы слететь с крыши, а не в том, куда она прилетит» [5, с. 590].

Странничество приобретает «статус метафизической категории» [7, с. 58], где органическое мировосприятие ставится во главу угла. *Homo in via* ощущает полноту бытия в слиянности с природой, хотя его идентификация в пространстве относительно нарушена. Именно поэтому так не однозначны образы странников в произведениях Ю. П. Казакова.

Homo in via в творчестве писателя совершает «трансцендентальный акт» [8, с. 238], направленный на осознание своего места в бесконечности бытия, чему способствует возможность героя посмотреть на жизнь извне, не являясь активным ее участником. Странник преодолевает путь личного неучастия в реальном месте-времени. Да и идет он, как напишет Ю. П. Казаков в рассказе «Легкая жизнь», «навстречу новому, неизвестному» [3, с. 171]. Единственное, что подтверждает его бытие, – это мысль. Не случайно «много думается... под равномерный стук колес, под

гул быстрого движения!...» [3, с. 171]. Странник в натурфилософской прозе погружается в себя: он как трансцендентальное тело не имеет точки конечного прибытия, а погружается в свой мир (космос) равно бесконечность, представленную «духовной реальностью» [8, с. 238].

Отражением этого действительного мира мысли становится четкое видение и чувствование природы. В странствии Василий Панков, герой указанного рассказа Ю. П. Казакова, ощущает полноту жизни. Ведь именно ему из всех пассажиров поезда удается разглядеть красоту и бесконечность Вселенной: «Наверху, в глубоком пепельном небе, светятся бесконечные звезды, сияет, дымится Млечный Путь, а к северу – будто бездонный провал: нет звезд, и ничего нет, одна глухая черная пустота» [3, с. 171].

Однако причина странствий героев произведений Ю. П. Казакова не так уж проста. Чувства, влекущие их в дорогу, они часто сами не могут объяснить. В «Северном дневнике» автор пытается найти ответ на вопрос о стремлении человека к безостановочному движению. Писатель обозначает ценности страннического образа жизни: «Отчего так прекрасно все дорожное, временное и мимо-летное? Почему особенно важны дорожные встречи, драгоценны закаты, и сумерки, и короткие ночлеги? Или хруст колес, топот копыт, звук мотора, ветер, веющий в лицо, – все плывущее мимо, назад, мелькающее, поворачивающееся?...» [3, с. 496]. В этом заключается сама жизнь, иными словами, она есть движение, а не статика. Такой кругооборот явлений бесконечен, в нем вечность, ибо «не проходит вовеки только очарование движения, память о счастье, о ветре, о стуке колес, шуме воды или шорохе собственных шагов» [3, с. 497], как пишет Ю. П. Казаков. Следовательно, в своем странничестве герой-Сфайрос соприкасается с бессмертием.

Приобщение к вечности для многомерной личности невозможно без единения с природой, так как она является витальной основой мира. Натурфилософский странник отправляется в путь, уже предполагая это слияние. Герой рассказа «По дороге» Илья

Снегирев стремится к движению как к возможности отрешиться от бренности и суетности мирского бытия, а главное – осознать и ощутить ценность вечных основ витальной энергии на Земле: «По ночам, в одиноких рейсах, легко думалось о прошлом, забывалась обида на Сибирь, меркло все плохое, будто и не было его никогда, а оставалась одна красота и мощь горных кряжей, неистовых нерусских рек...» [3, с. 213].

Характерно в этом смысле и время начала странствий. Гомеомерическая личность отправляется в путь согласно природным часам. Как и перелетных птиц, Илью Снегирева «не впервые весна срывала... с места» [3, с. 212]. Таков и Иоанн, герой рассказа «Странник», который говорит Настасье: «Да не хочу я на одном месте жить, тянет меня все, сосет чего-то... Особо по весне» [4, с. 24]. Только вот беспечен «полет» этих странников, нет у них дома, который имеют иные животные. С упреком говорит мать Василия Панкова: «И гнезда у тебя нет, всем ты чужой» [3, с. 176].

Странничество героев похоже на жизнь кукушки. Отсюда двоякое отношение к homo in via автора-натурфилософа. С одной стороны, действующим лицам произведений «не нужен... дом родной! Ездют, ездют, вся земля поднялась...», – говорит мать Ильи Снегирёва [3, с. 216]. Да и цель этих странствий часто сводится к желанию обрести комфорт. «Люди срываются с насиженных мест в поисках лучшей, “легкой” жизни: некоторые из них так и не находят себе пристанища» [9, с. 109]. Герои не реализовывают исконно природной цели существования человечества – продолжение и сохранение жизни на Земле. Недаром Иоанн думает, «что хорошо бы обрить бороду, жениться на... девке, работать по хозяйству, спать с ней на сеновале, целовать ее до третьих петухов...» [4, с. 22].

С другой стороны, многие герои, столь похожие на него, обладают способностью эстетического любования природой. Иоанн – «пустой, недобрый, вороватый парень, а именно через его восприятие открывается нам мистерия полей, эти подбегающие к дороге березки, вообще красота мира. А видим

мы ее глазами жулика» [11, с. 187]. Более того, он и сам отправляется в путь под воздействием желания ощутить слитность с природой: «А то лесами идешь, – духовные леса у нас, шмели жундят, осинки чего-то лопочут, – вот хорошо-то, вот сладко!», – говорит герой Настасье [4, с. 24]. Это странствие оборачивается для него одновременно в «“путь узкий” (праведнический, самоограниченный) и “путь широкий” (с обилием вседозволенности)» [10, с. 56]. Здесь легко заметить неприятие человеком-Сфайросом социально-исторической действительности: «Нет у нас тобою начальства, нет законов никаких, встал – пошел», – утверждает Иоанн [4, с. 24]. Его дорога в неведомое превращается в «“духовное кочевничество” (как странническое состояние духа)» [10, с. 56]. Путь Иоанна – способ обретения моральных основ бытия (природной разумности), без которых личность не может осознать свое место в мире. Он так и объясняет причину странствий: «...Скучно, душа у меня ненасытимая, – и потянуло меня в дальние дали» [4, с. 23].

Такая форма существования избирается героями прежде всего потому, что статическое положение человека в круговороте явлений не дает им чувствования «своей колеи» [3, с. 213], к которой стремится, например, Илья Снегирев. Однако, в большей степени здесь значимо неумение человека соблюдать *этические нормы* людского общежития, являющегося природным по своей сути. Герои-странники Ю. П. Казакова – это изгнанники человеческого мира отношений, откуда, подобно животным, сообщество удаляет слабых, беспомощных или нарушивших законы бытия *natura* особей. Как волки-одиночки, они вынуждены продолжать свой путь и нигде не находят успокоения, ибо людское общежитие их отвергло. Например, Иоанн лишается доверия Настасьи после совершенного им проступка. Герои рассказа не могут принять безволие и слабость странника потому, что он нарушил естественный ход вещей: на их доброе отношение он ответил обманом, а в природе благо всегда создается на благе, даже если первоначально оно выглядит разрушением.

Путь *homo in via* становится бесконечным, так как он не в силах преодолеть свое желание «легкой жизни» [3, с. 177] и в то же время отказаться от природного зова, который чувствует человек-Сфайрос. При этом и судьба героев сложна, они не обретают счастья. «Тоска по дороге» [3, с. 176], ощущаемая Василием Панковым, сменится «слабой тоской по чему-то незнакомому» [4, с. 28], чего лишился Иоанн, покинув временное жилье.

Динамичное поведение героев Ю. П. Казакова становится следствием поиска человеком своего места в системе бытия. Оно дает многомерной личности возможность слияния с *physis* и обретения в ней Бога. Универсальное устройство мироздания действующие лица произведений осознают в процессе движения – в пути, который так же бесконечен, как сама Вселенная. Странников манит этот космический порядок, который в силу их индивидуальных особенностей они не могут ощутить в людском общежитии. Снедаемые чувством братского единства *Мы*, герои отправляются в новый неведомый путь. Иоанн идет вперед, куда же «выведет его эта дорога, он не знает» [4, с. 28]. При этом само движение отличается неосознанностью восприятия окружающего мира и отсутствием осмысления *процесса* перемещения. Странствие превращается в образ жизни, теряющий рациональный компонент в бытии человека. Иными словами, герои видят значение пути непосредственно в нем, однако не постигают мир с позиций разума человека-Сфайроса в полной мере. Не случайно в дороге лицо Ильи Снегирева принимает «сосредоточенно-мечтательное выражение» [3, с. 215], свидетельствующее о восприятии им действительности в искаженном иллюзорно-идиллическом виде. У Иоанна мысль вообще трансформируется в пустоту – отсутствие идеи (атома): «Думал ли он о чем-нибудь...? – спрашивает автор. – Синие его глаза в красных веках не смотрели ни на что внимательно, ни на чем подолгу не останавливались, блуждали по далям, по белым облакам, заволакивались слезами, потом опять бездумно глядели» [4, с. 17].

Следовательно, трактовка образа странника не становится идентичной концепции человека-Сфайроса в натурфилософской прозе. Ю. П. Казаков дает описание некоей промежуточной формы бытия многомерной личности. Его странники не идеальны с позиций онтологической и нравственной ценностей гомеомерического героя. Однако действующих лиц произведений писа-

теля можно назвать несовершенными Сфайросами, так как они живут в согласии с зовом природы и подсознательно приходят к чувствованию вселенских основ бытия. Герои стремятся обрести логос, пусть и не осмысливают последствия своих поступков. Жажда «легкой жизни» приводит их к пути в бесконечность, который невероятно труден.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библейское общество, 2007. 1338 с.
2. *Гачев Г. Д.* Любовь, человек, эпоха: Рассуждение о повести «Джамиля» Чингиза Айтматова. М.: Советский писатель, 1965. 100 с.
3. *Казаков Ю. П.* Избранное. М.: ИТРК, 2004. 776 с.
4. *Казаков Ю. П.* Поедемте в Лопшеньгу: Рассказы. Очерки. Литературные заметки. М.: Советский писатель, 1983. 560 с.
5. *Розанов В. В.* О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. 734 с.
6. *Розанов В. В.* О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. СПб.: Наука, 1994. 540 с.
7. *Семенюк А. П.* В. В. Розанов о феномене духовного странничества в русском сознании XIX века // *Философия, социология, политология.* 2007. 9 октября. С. 57–58
8. *Смирнов И. П.* Генезис. Философские очерки по социокультурной начинательности. СПб.: Алетейя, 2006. 288 с.
9. *Суматохина Л. В.* Ю. П. Казаков // *Русская литература XX века: учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений: в 2 т. Т. 2: 1940–1990-е годы / Л. П. Кременцов, Л. Ф. Алексеева, Н. М. Малыгина и др.; под ред. Л. П. Кременцова.* М.: Академия, 2003. С. 107–111.
10. *Чалмаев В.* Дороги земные и пути небесные. Творческий путь Юрия Казакова // *Литература в школе.* 1997. № 6. С. 53–66.
11. Ю. Казаков. Для чего литература и для чего я сам? (Беседу вели Т. Бек и О. Салынский) // *Вопросы литературы.* 1979. № 2. С. 174–190.

REFERENCES

1. *Bibliya: Knigi svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta.* M.: Rossiyskoye Bibleyskoye obshchestvo, 2007. 1338 s.
2. *Gachev G. D.* Lyubov', chelovek, epokha: Rassuzhdeniye o povesti «Dzhamilya» Chingiza Aytmatova. M.: Sovetskiy pisatel', 1965. 100 s.
3. *Kazakov Yu. P.* Izbrannoye. M.: ITRK, 2004. 776 s.
4. *Kazakov Yu. P.* Poyedemte v Lopshen'gu: Rasskazy. Ocherki. Literaturnye zametki. M.: Sovetskiy pisatel', 1983. 560 s.
5. *Rozanov V. V.* O pisatel'stve i pisatelyakh. M.: Respublika, 1995. 734 s.
6. *Rozanov V. V.* O ponimanii. Opyt issledovaniya prirody, granits i vnutrennego stroyeniya nauki kak tsel'nogo znaniya. SPb.: Nauka, 1994. 540 s.
7. *Semenyuk A. P.* V. V. Rozanov o fenomene dukhovnogo strannichestva v russkom soznanii XIX veka // *Filosofiya, sotsiologiya, politologiya.* 2007. 9 oktyabrya. S. 57–58
8. *Smirnov I. P.* Genezis. Filosofskiye ocherki po sotsiokul'turnoy nachinatel'nosti. SPb.: Aletey'ya, 2006. 288 s.

9. *Sumatokhina L. V. Yu. P. Kazakov // Russkaya literatura XX veka: ucheb. posobiye dlya studentov vysshikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedeniy: v 2 t. T. 2: 1940–1990-e gody / L. P. Kremmentsov, L. F. Alekseyeva, N. M. Malygina i dr.; pod red. L. P. Kremmentsova. M.: Akademiya, 2003. S. 107–111.*

10. *Chalmayev V. Dorogi zemnye i puti nebesnye. Tvorcheskiy put' Yuriya Kazakova // Literatura v shkole. 1997. N 6. S. 53–66.*

11. *Yu. Kazakov. Dlya chego literatura i dlya chego ya sam? (Besedu veli T. Bek i O. Salynsky) // Voprosy literatury. 1979. N 2. S. 174–190.*